

Лейкин Николай Александрович

Среди причта. Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Среди причта. Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 312 с.

ISBN 978-5-519-92973-8

ISBN 978-5-519-92973-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СРЕДИ ПРИЧТА.

РОМАНЪ.

I.

Шумѣли голыя деревья на сельскомъ погостѣ. Завывалъ осенній вѣтеръ и крупными дождевыми каплями билъ въ маленькія окна дьяконской квартиры, находящейся въ ветхомъ одноэтажномъ церковномъ домѣ. На дворѣ мракъ кромешный, но въ дьяконской квартирѣ, въ чистой горницѣ, составляющей и столовую, и гостиную, и кабинетъ дьякона, свѣтитъ лампа подъ бѣлымъ колпакомъ и освѣщаетъ плющъ, вьющійся на двухъ окнахъ, канарейку и чижа въ двухъ клѣткахъ, картину «Перенесеніе мощей святаго Тихона Задонскаго», часы съ кукушкой и раскрытый карточный столъ у окна, на которомъ разложены метрическія книги и канцелярскія принадлежности, съ чернильницей, вставленной въ фарфоровую масленку, крышка которой

изображает лежащую корову. На столѣ, стоящемъ у стѣны комнаты и покрытомъ красной скатертью, пыхтитъ плохо вычищенный самоваръ съ вдавленнымъ бокомъ, а около него сидитъ старуха-дьяконница, худая, востроносая, въ темной ситцевой блузѣ, въ очкахъ съ круглыми стеклами въ серебряной оправѣ и штопаешь пятку носка, vzdѣтаго на деревянную ложку. Противъ нея сидитъ сынъ ея, бѣлокурый дѣтина, въ высокихъ сапогахъ и черной жилеткѣ, изъ проймъ которой торчатъ красныя руки, облеченныя въ розовые ситцевые рукава. Лицо сына заспано, глаза посоловѣлые, красные и въ еле пробивающейся бороденкѣ торчитъ пухъ. Самъ дьяконъ, худенькій старичекъ съ бородой травками и съ сѣдѣющими жидкими волосами, въ нанковомъ подрясникѣ, ходитъ мелкими шажками изъ угла въ уголъ по оставшемуся свободному пространству въ комнатѣ и тоненькимъ голоскомъ читаетъ наставленіе сыну.

— И вовсе не такъ страшна эта самая военная служба, чтобы тебѣ изъ-за нея горе свое виномъ заглушать, какъ ты выражаешься, говорить онъ.— Все это вздоръ и пустяки. И гуляешь ты вовсе не отъ горя, а оттого, что ты отъ рукъ отбился. Я слабъ, а мать еще слабѣе меня. Изъ-за нашей слабости ты и бездны семинарской премудрости убоялся, изъ-за нашей слабости тебя и вытурили изъ семинаріи.

— Меня вытурили по интригѣ... хриплымъ голосомъ произнесъ сынъ.

— Что вздоръ-то говорить! Брось... Прямо изъ-за лѣности и плачевнаго твоего поведенія. А что твое поведеніе было плачевно и по сейчасъ плачевно, то это мы видѣли и сейчасъ видимъ. Да... Стало быть и на судьбу свою жаловаться нечего, что тебѣ жребій солдатскій вынимать придется. Стало быть сама себя раба бьетъ, что худо жнетъ. Вотъ я сознаю, что ты по моей слабости жребій вынимать будешь, я и не тужу, а даже радуюсь... ликую...

— Вамъ хорошо радоваться и ликовать! Не вамъ служить-то, а мнѣ... огрызнулся сынъ.

— Радуюсь и ликую, потому что, наконецъ-то, ты можешь попасть въ ежевыя рукавицы, которыя тебя и исправятъ отъ пьянства, буянства и ночного шатанья.

— Да когда-же, позвольте васъ спросить, было у меня такое свирѣпое пьянство? задалъ вопросъ сынъ.

— Какъ когда? Ты въ трактирѣ Гаврилы Афанасьева прямо живешь.

— Не знаю-съ... Ежели я хожу иногда туда, то письма заводскимъ людямъ въ деревню писать, за что и получаю мзду денежную.

— А кто у Силантьевыхъ въ избѣ два стекла выбилъ?

Дьяконъ остановился и подбочинился.

— Напраслина... произнесъ сынъ.

— А кто свои новые сапоги прогулялъ, которые ему соорудилъ отецъ его, яко пеликанъ разрывая

грудь свою ради птенцовъ своихъ? опять спросилъ дьяконъ.

— Продалъ я ихъ изъ-за того, ибо они были узки.

— А гдѣ деньги, вырученныя за оныя сапоги?

— Странное дѣло! Четыре-то рубля вышло у меня на разныя мелкія нужды, а вы корите!

— Мелкія нужды! Мелкія твои нужды всѣ заключаются въ раздробительной покупкѣ питей, по-этому молчи.

— А ваксу на сапоги, а канцелярскія принадлежности вы ни во что не считаете?

— Молчи, трижды молчи! Взгляни на свой ликъ въ зеркало и даже зеркало тебѣ сейчасъ скажетъ, на сколько непотребна твоя жизнь. Демоновъ писать съ твоего лика Георгію Побѣдоносцу подъ ноги—и то впору.

— Отецъ дьяконъ! Отецъ Алексѣй! всплеснула руками дьяконица. Да развѣ можно такія слова про родное дѣтище!

— Э, матушка! Скорѣе и негодованіе у меня вызываютъ сіи слова!

Сынъ тоже развелъ руками и проговорилъ:

— Рубиконъ перешли, прямо, можно сказать, Рубиконъ. Но послѣ оныхъ словъ мнѣ и оставаться подъ кровлею моего отца не слѣдъ.

Онъ поднялся со стула и хотѣлъ уходить. Отецъ схватилъ его за руку и крикнулъ:

— Куда? Опять въ капернаумъ Гаврилы Афанасьева? Сиди и пей чай.

— Выкушай, Мишенька, голубчикъ, вонъ съ сдобной булочкой... заговорила умильно мать. — Ну, куда ты теперь пойдешь въ эдакую темь, глупый! Давай, я въ накладку тебѣ стаканъ сдѣлаю. Да вотъ медкомъ булку-то помажь!

Сынъ сѣлъ и произнесъ:

— Отъ такихъ попрековъ самый трезвый человекъ запьетъ.

— Пей, Мишенька, кушай. Вѣдь ужъ немного тебѣ, сердечному голубчику, родительскими-то харчами пользоваться осталось, продолжала мать. — Вотъ я тебѣ въ накладку... Вотъ я тебѣ и булочку медкомъ намажу...

Дьяконъ воздѣлъ руки къ потолку и воскликнулъ:

— Съ грустью предвижу, что можетъ и не вынуть солдатскаго жребія сей бездѣльникъ! А ужъ куда было-бы кстати для него исправительныя ежевыя рукавицы солдатской жизни!

— Да угомонись ты, отецъ Алексѣй! Пей чай... сказала ему дьяконица.

Дьяконъ сѣлъ къ столу и поникъ головой.

— А попадетъ на службу царскую—человѣкомъ можетъ быть, продолжалъ онъ.

— Житѣе подневольное, трудное—вотъ я чего боюсь, проговорила слезливо дьяконица.

— Вздоръ! отрѣзалъ дьяконъ, поднялъ голову и налилъ себѣ изъ стакана на блюдечко чаю.

— Гдѣ не допьетъ, гдѣ не доѣстъ...

— Вздоръ! Солдатъ нынче столуется лучше нашего. Онъ каждый день убоину ѣстъ.

— Ни чайку, ни табачку...

— Вздоръ! При его грамотности и знаніи церковнаго обихода, онъ сейчасъ пѣвчимъ будетъ въ полку, а тутъ стало быть заработка, а на оную табакъ и чай... Помощникомъ причетника въ полковой церкви его могутъ даже сдѣлать, если онъ будетъ благонравенъ.

— А на часахъ-то какво ему, голубчику, по ночамъ стоять будетъ! Да ученья, да дежурства разные.

— Отъ дежурства у Гаврилы Афанасьева отучать. А будетъ благонравенъ, такъ и никакого стоянія на часахъ знать не будетъ. Съ его грамотностью и почеркомъ въ полковую канцелярію писаремъ возьмутъ. А тамъ жалованье и доходы.

— Да вѣдь это не жалованье копѣйка съ денежкой въ день, замѣтила дьяконица.

— А здѣсь онъ въ волости на пятнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ помощникомъ писаря сидѣлъ, такъ много-ли времени усидѣлъ? Пусть на копѣйкѣ съ денежкой вышколютъ, а выйдетъ вышколенный изъ солдатъ, забудетъ капернаумъ Гаврила Афанасьева, такъ, авось, потомъ и на четвертную бумажку въ мѣсяцъ письменную должность себѣ найдетъ.

Дьяконъ громко схлебывалъ чай съ блюдечка.

— Хорошъ тоже и отецъ, желающій сыну солдатчины! Поди ты!—махнула ему рукой дьяконица.

Дьяконъ утерся рукавомъ, и произнесъ:

— Эеіопъ, а не сынъ!

— Ёшь, голубчикъ, Мишенька, булочку-то съ медкомъ, ёшь...—приставала къ сыну дьяконица и заплакала.

— И кусокъ, маменька, мнѣ послѣ сихъ словъ въ горло не идетъ,—выговорилъ сынъ и тоже слезливо заморгаль глазами.

— Налей еще! какъ-то торжествующе сказалъ дьяконъ и подвинулъ къ женѣ свой пустой стаканъ на блюдечкѣ.

II.

Погода душу и тѣло угнетающая. Только еще перевалило за полдень, а все кажется въ какомъ-то сѣромъ цвѣтѣ. Нависли свинцовыя тучи, съ неба падаетъ что-то среднее между дождемъ и снѣгомъ. Въ селѣ Хоразовѣ по улицамъ грязь непролазная. Уныло смотрятъ ветхія избы съ маленькими окнами, еще унылѣе качають вѣтвями голыя березы, стоящія кой-гдѣ около избъ въ разбросъ. На улицѣ ни души; даже собакъ не видать, а «дьяконскій семинаристъ» какъ называли Михайлу Благолѣпова въ селѣ, бродитъ по тропинкѣ, протоптанной около придорожной канавки, бродитъ, посвистываетъ и посматриваетъ на старую потемнѣвшую избу Силантьевыхъ. На немъ порыжѣлое, потертое пальто съ вырваннымъ карманомъ и страдающее отсутствіемъ нѣсколькихъ пуговицъ, замасленная фуражка блиномъ и стоптанные сапоги.

Вотъ онъ прошелъ разъ, прошелъ два, прошелъ три и все усиливалъ свистъ по мѣрѣ приближенія къ избѣ. Свистъ его на мотивъ «Стрѣлочка» наконецъ былъ услышанъ. Изъ воротъ Силантьевской избы вышла дѣвушка съ деревянными ведрами на деревянномъ коромыслѣ, перешла грязную улицу и стала спускаться къ рѣчкѣ. Михайло Благолѣповъ помедлилъ немного и тоже пошелъ за ней слѣдомъ. Дѣвушка была въ темномъ подоткнутомъ ситцевомъ платьѣ, въ байковомъ платкѣ, которымъ былъ закутанъ весь станъ, съ завязанными концами назади по талии, въ красныхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ полусапожкахъ съ мѣдными подковками. Ситцевый головной платокъ съѣхалъ ей на затылокъ и открывалъ молодое миловидное лицо съ приподнятымъ кверху носикомъ и сбившимися на лобъ волосами.

Когда Михайло Благолѣповъ нагналъ ее, она уже стояла на помостѣ, сбитомъ изъ двухъ досокъ на вбитыхъ въ воду кольяхъ, и успѣла снять съ себя коромысло съ ведрами. Ведра стояли тутъ-же. Она обернулась къ Михайлѣ и спросила его съ недовольствомъ въ голосъ:

— Что тебѣ? Зачѣмъ вызвалъ?

— Проститься съ тобой пришелъ. Завтра везутъ меня въ городъ солдатскій жребій вынимать, отвѣтилъ Михайло.

— Уже? О, Господи! схватилаь она за сердце. — Да какъ-же другихъ-то староста везетъ только въ четвергъ.

— А меня отецъ рѣшилъ отвезти за два дня раньше. Сжалился. Хочетъ сапоги мнѣ новые купить и фуфайку шерстяную вязанную. Прощай, Уля! Выѣзжаемъ завтра рано. Утромъ ужъ не улучшить времени проститься.

Онъ сталъ спускаться на помость.

— Куда ты лѣзешь-то! Вѣдь двоимъ здѣсь умѣститься негдѣ! Лучше я поднимусь, проговорила она и слезливо заморгала глазами.

— Ну, иди. Надо проститься на порядкахъ. Честь-честью.

Она поднялась на берегъ, взяла его за руку и сказала:

— Слава Богу, трезвый сегодня.

— И выпилъ-бы съ горя, да не на что. Маменька обѣщала дать два рубля, но завтра. «Зашью, говорить, въ ладонку и надѣну тебѣ на шею». Прощай.

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она оттолкнула его, подозрительно осмотрѣлась по сторонамъ и ужъ только потомъ обняла, положила голову свою ему на грудь и горько, горько заплакала.

— Брось, Ульяна... проговорилъ Михайло. — А то зареву и я.

— Тебя мнѣ не жаль. Богъ съ тобой. А себя мнѣ жаль, проговорила Ульяна. — Ну, что я? Ну, куда я, когда родится ребенокъ? Ахъ, какъ я была глупа и неосторожна!

— Да будетъ-ли, Уля, ребенокъ-то? Можетъ быть ты и ошибаешься? выразилъ сомнѣніе Михайло.

— Ну, вотъ... Тебѣ знать или мнѣ?

— Матери еще не винилась?

— Нѣтъ. Буду ждать до тѣхъ поръ, пока сама замѣтитъ.

— И не винись. Можетъ статься, жребій не выну и вернусь обратно.

— А что же тогда будетъ! Лучше будетъ, что-ли, если вернешься? Ничуть не лучше.

— Тогда подумаемъ. Можетъ быть я, когда жребія не выну, въ соборные пѣвчіе въ городъ наймусь. У меня тамъ тетка при церкви въ просвирняхъ. У ней мы съ отцомъ и остановимся.

— Да вѣдь это все ты. А я-то, я-то что-же?..

Она закрыла лицо руками и заплакала навзрыдъ.

— А ты... Ты приѣзжай тоже въ городъ и поступи на мѣсто. Просись у матери на мѣсто. Я тебѣ мѣсто въ горничныя отыщу. Отыщу и выпишу тебя. Вотъ и будемъ вмѣстѣ жить. Тамъ и грѣхъ свой скроешь. Да чего ты ревешь-то? Уймись, уймись...

Онъ обнялъ ее и слегка похлопывалъ по спинѣ.

— Ахъ, Миша, Миша! Что ты несуразное говоришь такое! Ну, какъ меня маменька изъ дома отпустить, если она сирая вдова съ малолѣтками, а наибольшая я у ней одна?

— Да вѣдь это на зиму. Зачѣмъ ты матери на зиму? Обойдется она и одна. Не реви. Отпустить. А на весну грѣхъ уже будетъ скрыть и ты опять вернешься. Ну, не реви. Ну, я тебѣ письма писать буду. Платокъ пришлю на маменькины деньги, что она мнѣ въ ладонкѣ дастъ. Ей-ей, пришлю, если меня въ солдаты возьмутъ. Я тебѣ буду писать че-